Джем-тестер

Станислав Шульга

SHOUT
SHARE
IT

- Станислав Шульга

Станислав Шульга
Джем-тестер

«Это блюз, сестра. Ты знаешь, что такое блюз? Нет, это не негры. И не цеппы. И не Джимми Хэндрикс. Ты говоришь о следствиях, я спрашиваю о причине. Вслушайся в ритм. Это главное. Рок-н-ролл и металл — это гонка по ночному шоссе. Панк — это погром в пивной. Грандж — возня в автомастерской, когда, играя, пытаются на ходу сделать нормальный инструмент. Под рэп поздней осенью топчутся у костров, что горят в бочках, в грязных подворотнях больших городов. Блюз — это человек, который идет вперед. На своих двоих. Авантюрист, который знает, чего он может достигнуть и что потерять. И он идет на это. Не спеша, без суеты. Без лишних слов. Зная, что он оставил позади что-то очень важное, что уже не вернется никогда».

— Чисто.

Телохранители выверенными синхронными движениями свернули ручные сканеры и спрятали их во внутренних карманах необъятных пиджаков.

— Очень хорошо.

Последнюю фразу сказал молодой человек в темных очках, стоявший у входной двери со скрещенными на груди руками. После того как его охранники завершили осмотр, он опустил руки, и направился к письменном столу, за которым сидел хозяин квартиры в доме на улице Храма, торговец кибер-артом, Олаф Мортон. Все двадцать минут, что охранники осматривали его квартиру, он иронично улыбался.

Молодой человек на ходу отключил неожиданно запищавший коммуникатор, который держал в руке. Он был одет в светло-зеленый обтягивающий свитер и походил на знак вопроса. Сутулость еще сильнее подчеркивалась широкими штанами цвета хаки, двумя бесформенными мешками свисавшими до кроссовок. Без приглашения он сел на стул, снял темные очки, еще раз осмотрел большую и единственную комнату квартиры.

Первое, что бросалось в глаза в этой квартире — санузел, стоящий посреди этого огромного полупустого зала. Ванная с изящным смесителем и элегантный унитаз. Дом эксцентричного холостяка, устанавливающего свои правила жизни. Что-то не нравиться — дверь вон там. Минимум мебели, расставленной безо всякого порядка около стен и небольшая кухня, служащая скорее атрибутом жилья, чем предназначенная для выполнения

основной функции.

Но эта эксцентричность была лишь маской. Как и стены этого дома. За белой фактурной штукатуркой скрывались сложнейшая техника, позволявшая изменять интерьер зала по желанию хозяина. Спрятанные в промежутке между несущими стенами и перегородками оптические установки, механические интерьер-формеры, нано-коконы с роями «строителей», воссоздающие любое статическое произведение искусства, программируемые полимерные блоки и другая техника, управляемая с центрального компьютера, давала возможность в считанные минуты менять цветовую гамму и геометрию интерьера. Проекционные «пушки» накладывали на белые стены виртуальные интерактивные изображения трехмерные динамические голограммы, расширяя локальный пространственный континуум. Желаете оказаться на смотровой площадке Ниагарского водопада, посреди зала какой-нибудь галереи искусств или в кроманьонской пещере — без проблем.

В техническом плане оснащение квартиры на четвертом этаже на улице Храма не уступала экспериментальным лабораториям ведущих дизайнеров интерьера. По сути, она являлась испытательным полигоном, где Олаф Мортон, один из крупнейших европейских специалистов по кибернетическому искусству, испытывал новинки сезона, чтобы потом давать квалифицированные консультации богатым, но мало разбирающимся в теме клиентам.

В некотором плане Олаф Мортон являлся фигурой знаковой. В начале века он приложил немало усилий для того, чтобы европейский игрострой спровоцировал вторую волну кибер-арта. С тех пор к компьютерным играм перестали относиться как к бездумному развлечению для подростков. Еще через десять лет Мортон основал галерею Moving Arts, ставшую одной из точек опоры третьей волны, принесшей кардинальные изменения в изобразительное искусство. До того бывшие статичными скульптуры и картины обрели жизнь. Компьютерные и нано-технологии дали жизнь новому направлению «активному динамизму».

На исходе третьего десятилетия XXI века Олаф Мортон вел размеренную жизнь культреггера, навсегда изменившего подходы к творческому процессу художников и скульпторов. Сейчас он сидел за абсолютно чистым дубовым столом, в правом углу которого размещался пульт управления, манипулятор, клавиатура и несколько разъемов для периферии, подключающейся через провода. Внимательный взгляд мог заметить на поверхности стола сеть из щелей, резавшими ее на

правильные квадраты. Люки встроенных в стол контейнеров, содержащих особо ценное имущество хозяина, в том числе и домен информации центрального компьютера дома.

Белая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей. Аккуратная седая борода, обрамляющая жизнерадостную и слегка ироничную улыбку. Прямоугольные линзы очков без оправы подняты на лоб. Короткий еж белых как лен волос.

Сегодня его гостем был сын украинского мультимиллионера Быкова. Поправив длинные курчавые волосы, он, наконец, поприветствовал хозяина.

— Добрый день, господин Мортон.

Улыбка на лице Олафа стала еще чуть ироничнее.

— Меры предосторожности, — произнес Быков.

Теперь улыбка Мортона изображала нечто вроде понимания ситуации.

— Без этого сейчас не обойтись.

— Конечно, рекомендации господина Владимира Карелина являются лучшей гарантией, но мой отец всегда просматривает записи службы безопасности. Он очень не любит, когда рекогносцировка не проводиться.

— У каждого свои требования к этой жизни.

— Я поздний и единственный ребенок.

— Веская причина, — Олаф покачал седой головой. — А я уж было подумал, что рекомендации относительно меня давал старший сын господина Карелина. Знаете ли, мы не очень ладим.

Молодой человек улыбнулся в ответ.

— Знаю, — легкий жест руками и попытка переменить тему. — Вы отлично говорите по-русски.

— У меня довольно много русских родственников, есть с кем попрактиковаться, — Олаф подался вперед — Давайте перейдем к делу. Ваши меры предосторожности по организации этого визита не дали мне возможности подготовиться к встрече. Я так и не знаю, чем могу быть вам полезен, господин Быков.

Быков сделал отмашку охранникам. «Пиджаки» синхронно кивнули головами, и отошли к двери.

— Последние полгода меня весьма интересует сфера кибернетического искусства, по большей части авангард. Интересует настолько, что я решил заняться этим всерьез. После окончания университета в моем распоряжении оказались значительные активы и, в настоящий момент я рассматриваю возможности покупки некоторых наиболее интересных артефактов.

— Чем вас так заинтересовал кибер-арт? Инвестиции в эту сферу рискованное дело.

— Я согласен, но тем не менее! Мы переживаем настоящую революцию! Человечество тысячи лет создавало произведения, статичность которых была обусловлена свойствами носителя. Выхваченные из динамики образы отображали какое-то единственное мгновение. Скульптуры из мрамора, картины, написанные маслом и акварелью, книги на пергаменте и бумаге — все это навсегда застывшие отпечатки реальности. Цифра дала нам истинную свободу! — Быков бурно жестикулировал, захваченный собственной речью. — Теперь мы можем создавать произведения искусства изменяющиеся также как и сама реальность. Разве это не потрясающе? Ожившие картины! Да, я согласен, сейчас слишком многие экспериментируют в этой сфере и как результат мы имеем много поделок, халтуры, как говорят. Не известно, будет ли это цениться через двадцать или тридцать лет. — говоря, Быков не переставал раскручивать коммуникатор Virtu, аппарат стоимостью несколько тысяч евро бешено крутился вокруг какой-то своей оси, едва слышно шурша по дубовой поверхности стола — …Но вспомните импрессионистов, авангардистов, вспомните отношение к кинематографу в начале двадцатого века. Вспомните, наконец, отношение к компьютерным играм в начале этого столетия! Вы же один из тех, кто своей деятельностью смог поменять отношение к ним! И третья волна кибер-арта, которая захлестывает нас сейчас — это следствие прорыва двадцатилетней давности. Все это считали несерьезным, но сейчас все больше людей интересуются этим.

— Я имел ввиду не эстетические критерии, а финансовые…

— Это вторично, — твердо сказал Быков. — Деньги не являются вопросом.

Брови Олафа слегка приподнялись.

— Вам виднее… — он потеребил бороду. — Мы можем перейти к еще более конкретным вещам?

— Да, конечно же! Через две недели на «Сотбисе» будет выставлен «дельфиец». Третий номер. Целью моего визита является выяснение деталей относительно этого артефакта. Информация самая противоречивая. Единственное, в чем сходятся все — это одно из значительных явлений современного кибернетического искусства. Вы серьезный эксперт и, более того, в вашей коллекции есть «дельфиец».

Улыбка на лице Олафа стала натянутой.

— Может вы даже знаете номер?

— По одним данным двадцать третий, по другим — одиннадцатый.

Мортон выдержал паузу.

— Одиннадцатый.

— Одиннадцатый?

— Да. Господин Быков, позвольте один вопрос, прежде чем мы перейдем к делу.

— Да, конечно.

— Простите старика за грубость — зачем вам это?

— Я не совсем понимаю вас…

— Если вам нужна красивая и модная вещь, езжайте в Иокогаму или в Белград. Там делают эффектные артефакты, которые обойдутся вам гораздо дешевле, произведут больше впечатления на вашу девушку и бизнес-партнеров. Как эксперт могу вам с полной гарантией сказать, что «дельфиец» это вещь не имиджевая и не сможет стать украшением вашей коллекции.

— Вы не хотите меня консультировать?

В голосе странная смесь тревоги и угрозы.

Коммуникатор завращался с удвоенной скоростью. Быков раздраженно выключил аппарат и опять закрутил его на столе.

— Нет, я всего лишь хочу понять зачем вам «дельфиец».

Быков сцепил худые руки и подпер ими подбородок. Его взгляд не отрывался от замедлявшего свое вращение коммуникатора.

— Я пришел получить ответы на свои вопросы.

— Не беспокоитесь, вы получите ответы на все вопросы, которые здесь зададите. Я должен быть полезен своим клиентам, а для этого я как минимум должен знать, что они хотят. Повторюсь — «дельфиец» не является кибер-артом в обычном понимании этого слова. Поверьте мне.

Быков порывисто обернулся назад и сделал резкий жест охранникам. Те переглянулись и послушно вышли за дверь. Когда дверь захлопнулась Быков неловко повернулся к Мортону и почти прошептал.

— Это правда, что «дельфиец» может предсказывать будущее?

* * *

— Отлично.

Исполнительный директор просматривал материалы, бросая быстрые взгляды на Игоря.

— Отлично, отлично…

Игорь вежливо улыбался, и когда исполнительный опять погружался в беглое исследование распечатки, рассматривал офис. Широкий стол, стоящий под углом к окну, высокое кресло, в котором он покачивался, читая бумаги. Канцелярский набор из красного дерева. Хрустальный глобус, впаянный в темно-синюю

пирамиду. Светло-серая рубашка и красный галстук неплохо гармонировали с картинами на левой стене. Здесь явно поработали дизайнеры, знающие фэнь-шуй.

Директор перестал восхищаться и качаться в кресле, резким движением бросил на стол бумаги и расплылся в ослепительной улыбке. Круглое лицо и короткая стрижка. Кто-то лысея, пытается спасти волосы, кто-то, смирившись, стрижется коротко. Этот решил подстричься. Разумно.

— Ваша работа впечатляет. Знаете, у меня есть предложение. Наша компания…

— Давайте сначала закончим с этим делом.

Получилось довольно грубо, но с такими так и надо.

Из ящика верхнего стола директор достал конверт из плотной желтой бумаги и протянул Игорю. Тот взял конверт и вытащил деньги. Очень дурной тон. Но не в этот раз, с такими так и надо. Удовлетворившись подсчетом, Игорь положил деньги в конверт и спрятал его во внутреннем кармане рюкзака.

Директор, с оттенком легкого недоумения наблюдал за действиями Игоря. После того как конверт с гонораром исчез, он подался вперед.

— Да, я хотел сказать, что наша компания…

— Вы хотите предложить мне постоянное место работы?

Директор опять осекся на полуслове.

— Наша компания… Да, я хотел бы предложить вам позицию заместителя директора. Мы молодая, но динамично развивающаяся компания с очень оригинальной маркетинговой концепцией. Сейчас мы ведем переговоры с рядом заказчиков, соответственно, мы будем расширяться и нам нужны опытные люди, которые могли бы возглавить направление датамайнинга…

Игорь решил не прерывать его в третий раз. Всякому терпению есть предел, а перспектива сдельной работы представлялась реальной.

— Я подумаю. Интересно. Какой уровень заработной платы вы предлагаете?

Директор назвал цифру.

— Конечно, это на первые два-три месяца, после увеличения потока заказов заработная плата будет повышаться, как вы понимаете.

— Да, я понимаю. Я подумаю, — сказал Игорь.

— Да-да! Я понимаю, такое решение нужно принимать хорошо все обдумав.

Игорь поднялся и протянул руку. Цепкое и в тоже время легкое рукопожатие директора.

— Я свяжусь с вами.

— Да-да, хорошо!

Сама предупредительность.

Пейзаж за окном едва заметно дернулся. Активная голограмма среднего класса, призванная замаскировать стену, оклеенную дешевыми обоями. Офис располагался в полуподвальном помещении. Душный кабинет, летом без кондиционера здесь будет настоящая парилка. Игорь вышел в соседнюю комнату.

В небольшой комнате квадратов на двадцать сидели три человека. Аккуратные рабочие места, похожие как близнецы. Шкаф с папками у выхода из комнаты. Столик с чашками, банками с растворимым кофе и сахаром. Два молодых парня и девушка. Очень молодых, скорее всего выпускники, только с университетской скамьи. Одеты скромно, но как следует. Парни в строгих костюмах и галстуках, девушка в блузке темно-синего цвета.

Офисные клерки. Пушечное мясо мелкого и среднего бизнеса.

Игорь кивнул им головой, улыбнулся и двинул в сторону выхода, светлевшего в глубине темного, ни чем не освещающегося коридора.

Он ухмыльнулся про себя.

«Молодая, динамично растущая компания».

Закинув рюкзак на плечо, Игорь задернул воротник куртки повыше.

Компания. Из трех с половиной человек. Сотни таких компаний возникают каждый месяц и только единицы доживают до следующего финансового года. «Планктон, стаи мелкой рыбешки, первое звено в длинной пищевой цепи». Так говорил дядя Коля, который знал про пищевые цепи все. Или почти все. Он вообще много чего знал.

Бурная биография дяди Коли, являла собой пример синусоиды с затухающей амплитудой, в которой пики и провалы идут по вполне предсказуемому ритму. Он начал перое собственное дело в середине девяностых. Три неудачных бизнеса. Четвертая компания существовала пять лет, неспешно и успешно продвигаясь на рынок. Потом ее купили гейткиперы. Дядя Коля опять остался без работы и опять рискнул. Перекачав свою область данных на мобильный RAID-массив, и оставив за собой права на три фильтрующих пакета, он ушел на Магистраль.

Работать он продолжал над тем же, чем занимался и в офисе. «Архитектура управляющих информационных контуров для кластеров малого и среднего размера». Плюс еще немного датамайнинга. Кочевой образ жизни являлся выражением жизненной философии дяди Коли. Отсутствие постоянного места

проживания, ответственности за тех, кого приручил и стратегических планов на следующую пятилетку. Насколько знал Игорь две вещи в жизни дяди Коли остались неизменными с тех пор как он вышел на Магистраль. Ежемесячные перечисления на накопительные счета своих детей от обоих браков и выполнение условий договора для клиента, который проплатил аванс за работу.

На Магистрали его знали под ником «Грач».

* * *

— …Это правда, что «дельфиец» может предсказывать будущее?

Коммуникатор завершил свое вращение, но внимание Быкова-младшего теперь полностью перекючилось на Олафа. Тот не стал выдерживать многозначительную паузу.

— Да, это правда. Все зависит от того как часто вы общаетесь с артефактом и насколько хорошо вы понимаете знаки, которые он генерирует, — неторопливым движением Олаф снял очки и положил их перед собой на стол. — В этом плане «дельфиец» мало чем отличается от любого другого «активного динамика» с прогностическими свойствами. Вы прикасаетесь к нему, взаимодействуете с ним. Он фиксирует ваше состояние, вербальную и невербальную информацию и выдает образы, которые рассказывают вам о вас. При более углубленном диалоге вы загоняете в него информацию о вашем ближайшем окружении. В этом случае вы можете получать прогноз о своем будущем. Прогностические алгоритмы артефакта почти безупречны, а символьный ряд интуитивно понятен. Вам не придется долго читать руководство пользователя. Через несколько дней вы станете понимать его без лишних слов.

Быков слушал Олафа наклонив голову, левой рукой поглаживая волосы и лоб.

— Вы можете показать мне своего «дельфийца»?

— Да, конечно.

Олаф взял со стола очки и нажал несколько кнопок на пульте управления стола. Одна из квадратных панелей на столе отодвинулась, открыв нишу из которой выехал круглый металлический диск сантиметров тридцать в диаметре, по всей площади покрытый гравировкой. Олаф активировал «дельфийца», прикоснувшись к едва видимой кнопке на нижней поверхности.

При ближайшем рассмотрении диск оказался усеченным конусом, верхняя плоскость которого была чуть меньше нижней.

На торце, густо оплетенном вязью тонкого орнамента, «дельфийца» располагались изящные кнопки управления и разъемы для кабелей, четыре универсальные панели питания типа Ultrasense, способные преобразовывать в электроэнергию самый слабый солнечный свет. Верхнюю плоскость покрывал изощренный узор, при первом приближении напоминавший индийскую мандалу — концентрические круги, расходящиеся из центра, пересекаемые прямыми линиями квадратов. При более внимательном рассмотрении, среди тонко сработанных символов встречались знаки из европейской и мусульманской культурных традиций. Причудливая эклектичная культурная смесь тридцати сантиметров в диаметре.

Быков заворожено рассматривал узор на верхней поверхности и торце. Он протянул руку и легко прикоснулся к артефакту.

— Рисунок не повторяется, — сказал Олаф. — Ручная работа. Начиная от отливки и заканчивая гравировкой.

— Грач делал это сам?

— Конечно, нет. За ним железная начинка и программная часть. Корпуса изготавливали разные мастера. При общем единстве концепции индивидуальный почерк гравера виден невооруженным глазом.

Быков не слушал его. Создавалось впечатление, что он что-то ищет. Тонкие пальцы, над которыми явно поработали в салоне красоты, рассеяно ощупывали гравировку. Наконец он оторвался от «дельфийца».

— Он работает?

— Да, но в пассивном режиме. Вы хотите посмотреть его в режиме полной активации?

— Да, конечно же!

Олаф нажал одну из кнопок. Из торца бесшумно выдвинулась тонкая панель с выдавленным на ней контуром ладони. Олаф нажал на еще одну кнопку, расположенную на месте подушечки указательного пальца. Панель ушла обратно. Также бесшумно из щели, пересекавшей «дельфийца» по всему диаметру вышла сверхтонкая плоскость пленочного SLD-монитора. На экране отображался все тот же рисунок мандалы, но сейчас он ожил. Плавно меняющие цвет и форму концентрические окружности рассекали квадрат и символы, заключенные между основными элементами геометрии узора также изменявшие свою форму и цвет.

Быков отодвинулся, чтобы улучшить обзор. Вжавшись в кресло, он рассматривал магию изменяющегося узора. Теперь обе его руки поглаживали волосы.

— Это классический режим. В зависимости от вашего

вероисповедования, культурных или эстетических предпочтений вы настроиваете режимы отображения под себя. Для наиболее ленивых «дельфиец» отображает информацию просто в виде картинок с теми хорошими или плохими вещами, которые произойдут с вами в ближайшей или дальней перспективе, — комментируя, Олаф не отрывал внимательного взгляда от Быкова, загипнотизированного изменяющимся рисунком мандалы. — Выдвижная панель, которую вы видели, оснащена сенсорами, дающими артефакту информацию о состоянии вашего организма. Достаточно лишь положить ладонь на панель и подержать ее там минуты две-три. Ввод остальной информации зависит от ваших предпочтений. Артефакт поддерживает наиболее распространенные интерфейсы и протоколы передачи данных. Встроенный носитель на тридцать два терабита позволит вам размещать сколько угодно и какой угодно информации, которую артефакт использует для своей работы над прогнозированием вашей судьбы.

Олаф замолчал. Воцарившаяся пауза вывела Быкова из транса.

— В чем же его уникальность? В корпусах ручной работы? Знаете, я так и не уяснил для себя — почему люди выкладывают за него целые состояния? Да, не спорю, выглядит он… основательно, но не на шесть-семь миллионов евро.

Олаф теребил кончик аккуратно подстриженной седой бороды.

— Тайна, — наконец ответил Олаф. — Вещи, которые мы не можем понять до конца, всегда притягивают. Нечто вроде преследования бесконечной цели, которая никогда не становиться ближе. Некоторые свойства «дельфийца» являются загадкой. Говоря более конкретно — некоторые утверждают, что артефакт не столько предсказывает будущее своего владельца, сколько активно предопределяет его.

* * *

Морозный декабрьский день встретил резким порывом холодного ветра. Игорь глубоко вздохнул и вышел на улицу.

Темнеет. Старые фонари, стоящие на улочке, куда он свернул, выдувают тусклые шары света, через которые летят мириады снежинок. Рассекая свет, они закручиваются в мгновенно рассыпающиеся узоры пропадающие во мгле. Начало декабря. Утром асфальт сковала пленка тонкого льда, черные стволы деревьев побледнели от инея, ветер, до этого несший

дождь, стал холоднее и жестче. Таким было сегодняшнее утро. Сейчас зима уже властвует в городе, засыпая снегом кучки пожухлых листьев у обочин. Но этим переменам нельзя верить. За этот месяц все еще десять раз перемениться и вполне возможно, что на Новый год кроме зеленых елок будет зеленеть трава, не до конца прибитая слабыми декабрьскими морозами.

Так было и в прошлом году.

Так было и в том декабре, когда он первый раз решил что-то изменить в своей жизни.

* * *

К первой смене места работы Игоря подтолкнул очередной приезд дяди. Отец недолюбливал его и нелюбовь эта имела весьма глубокие идеологические корни. Иногда вежливо-натянутый тон бесед переходил в спор на повышенных тонах. Тогда дядя Коля наступил на какой-то особо любимый папин мозоль отца и целый вечер два взрослых мужчины выясняли отношения. Мать не вмешивалась. Они обсуждали что-то, что случилось еще до того, как Игорь пошел в младшую группу в детском садике. Многие детали так и остались за гранью его понимания, но несколько главных моментов Игорь уловил.

Тогда он решил, что через двадцать лет лучше быть в ситуации дяди Коли, чем отца и стал искать работу. Через неделю он нашел новое место. Казалось, судьба сама дала ему этот шанс. Вновь образованная компания искала специалиста, готового возглавить направление. Решение он принимал быстро, чем вызвал еще один скандал. Отец считал, что в его компании сыну лучше посидеть еще года три-четыре и уже потом искать чего-то большего. Мать его поддерживала. Дяди не было в тот раз в городе и его мнение он узнал намного позже, когда через семь месяцев первая попытка изменить жизнь завершилась заурядным увольнением.

«Принято решение о вашем увольнении». Фраза, которая припаяла его к креслу в кабинете директора и отозвалась легким головокружением.

«Через это надо пройти». Простые слова. Понимай как хочешь. Дядя ни в чем не убеждал, не успокаивал и не пытался поставить на путь истинный. Он грустно улыбнулся и уехал на своем большом «Ирокезе» утюжить европейские автобаны.

За следующие три года Игорь сменил четыре компании.

* * *

Серебристая плоскость рекламного щита вспучилась темно-синими кругами волн. Как-будто кто-то, с той стороны кинул в нее камнем. Вместо статичной рекламы новых лезвий Gillette, поверхность рвется контуром мерседесовского логотипа. Еще мгновение и логотип уменьшается в размерах, становится деталью на корпусе, едущего прямо на пешехода, внедорожника. Жаркая желтая пустыня, по которой едет «мерседес» выглядит нелепым пятном посреди серо-черного проспекта. Прорыв «той стороны», нереального мира, связанного из миллиардов электромагнитных пучков. Прямая трансляция из Сайберглоба. Рекламный кластер Mersedes пропадает в тот момент, когда он проходит под плоским щитом. Сайберглоб, Кибернетический Глобус, виртуальное пространство, пробивающееся в реал через миллионы плазменных экранов и терминалов, среди которых оставшийся за спиной рекламный щит — как одна из звезд в поясе Млечного Пути. Стеклянные окна мониторов — это видимая часть механики Сайберглоба, интуитивно понятный среднестатистическому пользователю интерфейс. Она видима и знакома всем. Эти декорации поддерживает сложный каркас из миллионов камер полного волнового спектра, геостационарных спутников, подводных и подземных кабелей разной толщины, вычислительных мощностей, распределенных по миру в последовательности, понимание которой доступно только системотехникам Холма.

Часть потока данных, циркулирующего по этим кабелям и невидимым линиям спутниковой связи, является отражением планеты Земля, полностью воспроизводя реальность в динамически изменяющихся деталях кибернетической копии. Эти данные составляют Первую Зону Сайберглоба, или Рефлект. Под графикой Рефлекта скрываются тысячи информационных слоев, которые формируются Хостхольмской Платформой, главным вычислительным центром Кибернетического Глобуса. Гигантская мельница перемалывает Первичный Поток Реальности, поставляемых миллионами камер полного спектра, датчиками Фримена и другими типами сенсоров. превращая его в так называемый дайс, слоеный пирог из семантических плоскостей, упакованный в графическую оболочку Real Earth — II.

Если верить статистике примерно два миллиарда зарегистрированных физических пользователей Сайберглоба каждый день используют операционную систему Decada в течении трех часов пятнадцати минут. В самом верху этого статотчета можно найти строчку о тех, чье суммарное время пребывания в сети составляет больше пятнадцати часов в сутки. Таких менее половины процента от общего числа пользователей. Они сетевые

профессионалы. В этом длинном списке датамайнеры занимают одно из первых мест. Их работа — искать информацию и делать из нее новые смыслы.

Игорь один из них.

Рекламный щит остается позади. Он идет к следующему перекрестку, где стоят несколько такси.

* * *

На последнее место работы Игорь устроился в конце лета. Фирма входила в состав крупного строительного холдинга и занималась вопросами поставок оборудования на объекты строительства. Пройдя через шесть интервью, в том числе и с президентом, Игорь стал начальником отдела комплектации. Поиск поставщиков, анализ условий контрактов, аналитика по рынкам и подготовка первых этапов переговоров. Приличная зарплата и социальный пакет среднего объема. Вполне достойное место по сравнению с теми «лавками», в которых ему приходилось работать до этого. Работа ему нравилась, в коллективе было много молодежи, офис располагался в одном из престижных бизнес-центров города, до которого он добирался за полчаса. Три года мыканий завершились весьма удачно. Жизнь входила в новый ритм.

За четыре месяца он сумел проявить себя не только на основном рабочем месте В предыдущих компаниях ему приходилось быть универсалом. Поэтому к нему часто обращались ребята из соседних отделов за различными консультациями. Иногда они вместе пили пиво в каком-нибудь недорогом ресторане недалеко от офиса.

В ту пятницу Игорь, Влад Смирнов и Петя Балабуев завалились в кафе поужинать и выпить по бокалу темного «Черниговского». На третьей кружке Влада, начальника сисадминов, развезло, и он поделился своими тревогами с коллегами. Последние отчеты по внутреннему траффику в локальной сети содержали какие-то пакеты, которые Влад идентифицировал как результат работы spy-hard-ware. Событие было из ряда вон выходящим и Влад не знал как выпутаться из ситуации. С одной стороны он должен был доложить о происшедшем, с другой — он не знал, что это такое. После четвертой бутылки пива он размяк до того, что перекачал протоколы на наладонник Игоря, чтобы тот смог посмотреть и проанализировать их.

А в субботу к матери в гости приехал дядя Коля. Как всегда

насквозь веселый. Игорь рассказал ему о новом месте работы, на что в ответ получил несколько ироничных замечаний. Уходя из дома родителей, Игорь в двух словах рассказал о проблеме, которая возникла в локальной сети. На следующий день дядя пообещал приехать и посмотреть в чем дело.

Вечером он сидел на кухне у Игоря и внимательно просматривал протоколы на лэп-топе. Приготовленный ужин стыл на столе, о котором дядя забыл, после того, как увидел строчки кода. Он удалился к себе, так и не поужинав.

Утром дядя вынес краткий вердикт.

«Это джем-тестер».

* * *

Игорь подходит к одному из припаркованных таксомоторов, открывает дверь, называет адрес и, не дожидаясь ответа, садится на заднее сидение. Ответом на недовольную реплику водителя служит новая хрустящая двадцатка. Это в два раза больше того, что может получить таксист за такой рейс в это время. Чуть подобрев, он бросает пару реплик, завязывая ни к чему не обязывающий разговор.

Машина едет под мостом, заворачивая по длинной дуге направо, и выходит на широкий проспект. По асфальту идут разводы — ветер растаскивает волны снега, прибивая их к обочинам. Прохожих заметно меньше. Машина несется мимо пустынных улиц, освещаемая фонарями, объемной рекламой и цветными витринами магазинов. Говорит в основном водитель. Молодой парень, которого дома ждет жена и двухлетний сын. Грубоватый суржик выдает в нем жителя «спального района» во втором поколении. Целый день за баранкой, вечером ужин, потом возня с плачущим ребенком, немного телевизора и супружеского долга перед сном. На выходных вечные хлопоты по дому, в котором нужно сделать что-то новое или отремонтировать уже успевшее поломаться. Частые посиделки с друзьями и их женами в формате вялого застолья с плохой водкой и салатом «оливье». И так неделя за неделей.

Машина, покрутившись по многоярусной развязке, выходит на эстакаду. Длинная прямая дорога, поднятая над промышленной зоной. Где-то там река и над ней мост. Серая громада «быка» упирается в низкую облачность и только габаритные огни очерчивают в темноте контуры стометровой бетонной башни. Тугие стальные тросы параллельными прямыми уходят наверх, соединяя полотно моста с «быком» где-то на

невидимой за пургой высоте. Серый бетон и сталь проносятся за то стороной автомобильного стекла. Ни свернуть, ни повернуть обратно, только вперед.

* * *

«Это джем-тестер».

«Что? Причем тут варенье?»

«Варенье тут не причем. Джем-тестер это искусственный интеллект, главная функция которого проверять надежность технической или информационной системы, от английского to jam. Английский подтяни. Обычно такую программу запускают в кластер цифровой копии сложного объекта, например самолета, где она выявляет сочетания отказов подсистем, приводящих к катастрофе».

«А что этот джем-тестер делает в нашей локальной сети?»

«Скорее всего — подрывает устои вашей компании. Джем-тестер может работать не только как пассивный тестировщик, но и как активный агент, который приводит к аварийной или катастрофической ситуации. Анализируя сочетания отказов, вводя коррективы на информационные потоки и генерируя ошибки в контурах управления систем. В атакующем режиме джем-тестер работает неделями, подтачивая систему изнутри и, в конце концов наносит ряд решающих ударов. Со стороны все может выглядеть как вполне естественный ход событий».

«Это что вроде вируса?»

«Нет. Вирус это грубое оружие оперативников. Разовая атака, приводящая к временному параличу. Джем-тестер это инструмент стратегов, цель которых полное уничтожение структуры. Вы кому-то очень сильно насолили».

Возможно, тогда Игорь и совершил первую ошибку, решив проинформировать о случившемся лично президента компании. Вопросы безопасности были вне его компетенции, но он решил пойти через голову начальника охраны и добился встречи с президентом напрямую.

Разговор с президентом получился коротким и деловым. Дядя Коля умел быть убедительным и президент обеспокоился не на шутку. Они получили карт-бланш на обследование офиса.

* * *

«Не упустите свой шанс! Скидки до 80 %!». Ярко-желтая

объемная голопроекция рекламирует грядущую рождественскую распродажу роботов-уборщиков, в просторечье называемых «тумбочками». Новая линейка высокопроизводительных «тумбочек» выбрасывается на рынок старым добрым Hoover'ом. Игорь запахивает куртку и, огибая маршрутки, ставшие на отстой, идет в сторону дома. Он мог проехать до самого парадного, но водитель прозевал съезд с проспекта, и ему не хотелось ввязываться в перебранку с этим парнем.

Из подземного перехода хлынул поток. Один из поздних поездов выгрузил очередную партию спешащих попасть домой. Игорь шел за тремя молодыми людьми, пивших пиво и куривших на ходу.

Подземный переход выводит его на пятачок, где размещается сразу четыре центра общественной жизни — продуктовый супермаркет, многофункциональный развлекательный центр, «Макдональдс» и небольшая церковь. С точки зрения удобства иметь все сервисы в одном месте удобно, с другой — здания представляют собой проявления разных корпоративных культур, собравшихся в этом месте исключительно из-за маркетинговой ценности участка земли. Здания посажены так близко, что воспринимаются как единое целое, если бы не разница в отделке фасадов. Над каждым крутятся свои неоновые рекламы, призывающие, по сути, к одному — «ешь!». Только над слабо освещенным силуэтом церкви неярко горит православный крест. Вся остальная площадь сочно освещается огнями заведений, в которых, несмотря на поздний час, хватает народу. Яркие огни и объемные образы сочатся изо всех возможных щелей, отталкивали темноту снежного декабрьского вечера. Иллюзорный колпак на несколько минут заставляет забыть проходящего мимо о том, что творится за прозрачными стенами из мгновенно меняющихся образов.

Он проходит по узкому «коридору» между торговым центром и супермаркетом, который продувается вечным сквозняком и выбирается наружу из торгового квартала. Бледные плоскости жилых домов монотонно расчерчены трассерами окон. Беспорядочные фасады из балконов, которые каждый стеклил как хотел, сейчас не видны, остались только эти пунктиры, прерывающиеся темнотой окон пустых квартир.

Бетонка, выложенная между забором школы и огороженным пустырем, на котором уже полгода собираются что-то строить, выводит Игоря к блоку домов, в одном из которых он живет.

* * *

«Он где-то здесь. Обычно его ставят прямо на кабелях локальной сети. На независимом носителе с F-конвертером. С него он заходит в сеть, минуя обычные порты и точки входа-выхода в локальную сеть. Резидентно висит на каком-либо не слишком подконтрольном компе и делает свою работу. Данные наружу отсылает редко, только на последних этапах работы. Работает ночью. Отследить его можно по слабым электромагнитным импульсам и возрастанию внутреннего траффика сети, когда он начинает перераспределять себя по носителям. Основное время работы — день, когда работают большинство терминалов и есть потоки данных в которых можно затеряться. Но ловить мы его будем ночью».

«Почему?»

«Хотя бы потому, что мое появление в офисе может спугнуть инсайдера, который прицепил этого „жука“».

Постоянной «живой» охраны в офисе не было. Для централизованной охраны бизнес-центра, в котором располагался офис придумали легенду о том, что проводится тестирование нового корпоративного кластера и нужны свободные вычислительные мощности. Президент поговорил об этом лично с начальником охраны всего здания. Игорь взял как бы отпуск и появлялся в офисе только в начале десятого, когда последние работоголики уходили домой. Дядя Коля приходил чуть позже, после того, как получал сигнал от Игоря, о том, что все чисто.

Они обосновались в кабинете Игоря, небольшой уютной комнате, выгодно отличавшейся месторасположением. Будучи небольшим начальником, Игорь имел право на кабинет, который отделялся от общего зала стеклянной стеной с жалюзями. Общий зал, почти шестьсот квадратов, разбитый невысокими стенками на стандартные кубики. Шестьдесят рабочих мест. Носитель с джем-тестером мог сидеть на любом из кабелей соединявших все воедино.

«Стойло».

Дядя Коля стоял у стеклянной стенки с чашкой горячего дымящегося кофе, раздвинув в стороны горизонтальные жалюзи. Он смешно раскачивался на каблуках, при этом чашка с кофе оставалась неподвижной. Эта привычка раскачиваться, шмыгание носом в некомфортных для него ситуациях с одновременным подтягиванием штанов. «Фирменные» движения, неизменно вызывавшие из памяти Игоря картины детства, того времени, когда они вместе с дядей развлекались с конструктором Lego.

Он быстро двигался и быстро говорил. Иногда он говорил резко. Для человека плохо знавшего его эта манера могла показаться агрессивной. Но в жизни Игоря не было человека

более корректного чем он. Несмотря на долгие годы, проведенные в частном бизнесе, он сумел сохранить какую-то почти архаичную интеллигентность, в отличие от очень многих своих сверстников, у которых она заменилась на «правила делового этикета».

«Стойло».

Игорь промолчал. Какое дядя Коля мог дать определение его кабинету он знал и так. Также как и иерархическую классификацию, которой дядя пользовался, определяя людей, работающих в бизнесе. Игорь слышал ее несколько раз и она была настолько проста, что он запомнил ее почти сразу.

«Люди делятся на хозяев и наемников. Между ними — дистанция огромного размера, потому как первые имеют собственность, работающую за них, а вторые ее не имеют. В лучшем случае у них выплачены все долгосрочные долги и зарплаты хватает на то, чтобы позволить их детям получать пристойное образование. Из этого следует правило первое: „никогда не дружи в хозяином“. Наемники делятся на тех, кто работает головой и тех, кто работает всеми остальными частями тела — языком, „пятой точкой“, гениталиями и локтями. Первые живут за счет своей квалификации и репутации. У вторых все проще, главное понять, перед кем прогибаться, а кого надо прокидывать при первой возможности».

С хозяевами было немного сложнее. Дядя Коля выделял три категории. Первую он называл «карасями» или «планктоном», в зависимости от того какую пищевую цепь он брал для аналогии. К ним принадлежали хозяева малых и средних компаний. Ко второй, «акулам», относились владельцы национальных и транснациональных компаний, для которых «караси» служили кормом — источниками активов, маркетинговых концепций, технологий и, конечно же, кадров. Третья категория, «киты», была самой малочисленной, но и самой серьезной в его классификации.

«Чаще их называют плей-мейкерами, людьми, которые, собственно, и создали правила этой игры. Они — основа того мирового порядка, который существует. Чаще всего это очень крупные транснационалы, „старые“ деньги, династии, которым по триста лет, выскочки типа Гейтса, финансовые структуры подконтрольные мировым церквям. Они делают рынок, выбирая куда гнать косяки „карасей“ или кого из „акул“ сегодня жрать на завтрак. Они вне системы, поскольку являются ее фундаментом. Если и есть мировой заговор, то придумали его они».

Мировой заговор.

Масоны-тамплиеры-спецслужбы-комитет-300. Эти лекции Игорь слушал не раз. Тогда его интересовало другое. Он ничего

не знал о джем-тестерах и ему хотелось восполнить пробел в своем образовании.

«Так это что, что типа боевого софта?»

«Как одна из функций».

«Я ничего не слышал о них».

«Это не офисный пакет, чтобы о нем все знали. Вообще-то джем-тестеры используют узкие профессионалы, у которых есть соответствующая лицензия. Ее не так легко получить. Насколько я помню список зарегистрированных пользователей, которые имеют лицензию на пользование не больше пяти тысяч по всему миру. Причем большинство из них имеют порезанные права. Полный цикл тестов могут проводить не более сотни из этих людей».

«Отчего такие строгости?»

«Джем-тестеры изначально создавались системотехниками Холма при проработке общей концепции Кибернетического Глобуса. Серия „протогон“ были первыми „эй-ай“, запущенными в среде Си-Джея. Демиурги виртуальности. Они просчитали архитектуру и основные принципы, на которых строилась надежность всей системы. Полученные ими результаты использовались для корректировки концепции вплоть до первого запуска Си-Джея. Анализ катастрофических и аварийных ситуаций в масштабе Зон и континентальных сегментов сети. Также джем-тестеры выдали список программного обеспечения и сочетания различных программных продуктов, использование которых необходимо взять под жесткий контроль или запретить вообще. Первыми в списке были они сами».

«Протогон? Странное название… Что-то из древнегреческой мифологии?»

«Да. Одно из первых божеств, рожденных хаосом и создавшее этот мир. Все остальные серии джем-тестеров тоже имели названия, заимствованные у древних греков. В этом есть свой смысл, виртуальность это новый мир, созданный человеком, который является его безусловным Творцом. Джем-тестеры и другие программы, формировавшие архитектуру и законы Си-Джея — младшие божества. В виртуальности они могут все и даже влиять на реальность через контуры управления объектами. выпустили еще несколько поколений джемов, которые используют до сих пор, но главным образом национальные службы сетевой безопасности, техники Холма и люди из того списка, о котором я уже говорил».

«Но ведь тестирование надежности — это плановая фаза в доведении любого продукта».

«Разрешено только тестирование виртуальных объектов,

рефлектов. Таких программных пакетов сотни. Джем-тестеры способны напрямую влиять на реальные объекты. Теперь понял?».

«Теперь — да. Только вот как такой эй-ай попал к нам в офис?»

«Хороший вопрос. Скорее всего это „олимпиец“, одна из серий второго поколения. Их исходники когда-то были похищены и киберы Холма до сих пор ведут поиски, как похитителей, так и самих „эй-ай“. Стоимость „олимпийца“ на черном рынке миллионов пять-семь евро, так что взялись за вас всерьез».

* * *

Дверная ручка ощутимо шатается, надо менять замок, а с ним, скорее всего и всю дверь. Свет из внешнего коридора освещает прихожую ровно настолько, чтобы не промахнуться по выключателю лампы. Беспорядок в квартире близок к тому порогу, после которого стоит убить пару часов на то, чтобы поставит все на свои места. Вечная проблема. Принцип ограниченного хаоса в действии. «Миграция вещей по квартире условно одинокого холостяка». Когда-то он даже написал статью в глянцевое издание для мужчин, проведя параллель между теорией хаоса и бытовой неустроенностью неженатого мужчины.

Игорь стягивает ботинки, куртку и идет к ванной комнате.

Щелчок выключателя. Свет в ванной загорается с задержкой в несколько секунд… Зеркальная стенка шкафчика, висящего над умывальником отражает лицо мужчины далеко за тридцать. Длинный овал лица, острый подбородок уже успевший зарасти щетиной, глубоко посаженные карие глаза. Он подумывал о том, что неплохо бы отпустить бороду, но седины в щетине намного больше, чем в короткой стрижке. В некоторых случаях выгодно выглядеть моложе.

Он не спеша моет руки и проходит в гостиную, одновременно являющуюся его рабочим кабинетом. Он редко принимает гостей в доме, предпочитая рестораны и клубы, а те барышни, время от времени ночующие здесь, не заходят дальше спальни.

Весь угол у окна занимает система Three Eyes. Двухпроцессорная платформа с выводом сигнала по трем независимым каналам. Три монитора обеспечивают обзор всех текущих процессов. Это его «башня из слоновой кости», его диспетчерский пункт, откуда он подрубается к информационным слоям Сайберглоба.

…Твердая частица падает в переохлажденную и очищенную от примесей дистиллированную воду. Прозрачная жидкость

мгновенно структурируется вокруг частицы, беря ее за точку отсчета для кристаллической решетки. Жидкость становится льдом. Когда он работает в сети, то становится этой точкой отсчета, началом смысловых координат в хаотичных потоках данных, каждый день прокачиваемых через Хостхольмскую Платформу и несколько сотен менее значимых «опорных» мощностей Кибернетического Глобуса. Техники Холма говорят, что Сайберглоб был создан, чтобы предотвратить дальнейшее сползание Интернета в хаос. Это правда только отчасти. Для большинства пользователей упорядоченность Сайберглоба весьма условна и чтобы не потеряться в этом лабиринте они нанимают таких как он.

CG-серферы, гейткиперы, макромиксеры, датамайнеры, бурильщики, диггеры. Их называют по-разному, при этом иногда путая их корпоративную принадлежность. На его памяти четыре человека назвали его гейткипером и ему пришлось объяснить разницу между работниками корпорации GK и вольнонаемными датамайнерами.

Сегодня он не будет работать. Сегодня выходной и он не будет создавать новые смыслы и разрушать старые.

Игорь берет пульт управления откидывается на диване и включает большой экран. «Обруч» лежит тут же, на диване. NeuroCrown-III от Sony. В свое время он так и не рискнул сделать себе операцию по вживлению нейроинтерфейса и как выяснилось, поступил правильно. Запатентованная Sony еще в начале века технология передачи информации в мозг с помощью ультразвука вышла на массовый рынок. Среди профессиональных CG-серферов подобные устройства вызывали едкие насмешки, но скорее всего им просто было жаль потраченных на операцию денег. «Обруч» обеспечивал практически те же самые функции, что и интерфейс коаксиального кабеля…

Игорь крутит «обруч» в руках и решает, что сегодня вряд ли ему стоит погружаться настолько глубоко. Он вызывает клавиатуру и запускает программу бота-поисковика, лучшего из своей обоймы. Ключевые слова: «дельфиец», «джем-тестер», «Грач».

Пусто, как всегда пусто. Мелькает информация, которую Игорь знает наизусть. Ничего нового, ничего указывающего на реальное имя создателя одной из самых значимых серий артефактов кибер-арта последнего десятилетия. Грач вычистил из Си-Джея все, что касалось его. Реальное имя, истории его компаний на рынке, сводки оперативок киберполиции касательно облав на Магистрали… Все. Скорее всего ему удалось уничтожить даже то, что находилось в закрытых депозитариях информации.

Из них иногда течет и если бы там что-то еще находилось, то за прошедшее время инфа обязательно оказалась в пределах открытых сегментов Си-Джея. Серьезная работа. Почти невозможная. Но он был лучшим в своем классе и работал с лучшими. Гринджер, Мастер Бо, Эрика Мортон, Фэтч, Маленький Вождь — эти и еще с два десятка других ребят знали его еще до того, как он создал «дельфийцев». Зачистку информационных следов могла провести команда симулякров, с ними он тоже был связан. Если кто-то что-то еще знал о нем, то только они. Но они принадлежали к высшему дивизиону Магистрали и молчание про тех, кто «ушел в тень» являлось одним из неписанных кодексов мобильной сети.

Игорь меняет задачу. Остается одно ключевое слово.

Протогон.

* * *

Ночные дежурства длились уже пятые сутки. Первые два дня Игорь привыкал к новому режиму. Дядя Коля шутил, что это похоже на состояние после длительного перелета, когда разом перескакиваешь через шесть-семь часовых поясов.

На третьи сутки Игорю даже стало нравится это спонтанное «дежурство». Непривычно тихий и темный офис, обычно вызывавший подсознательную тревогу и желание спрятаться в своем застекленном кабинете. Сейчас жалюзи были полностью открыты и темная тишина за ними умиротворяла. «Каждый день бы так».

Они много говорили тогда. Делать все равно было нечего, всплески активности джем-тестера позволяли им каждый раз сужать область поиска, но сукин сын выходил и возвращался в совю нору только два раза на сутки. По подсчетам дяди они окончательное обнаружение реально только через два-три дня.

Расслабленно откинувшись в кресле, дядя Коля держал в руке вечную чашку с остывшим кофе. Свитер с высоким воротом, джинсы, ботинки на толстой подошве. Он больше походил на программиста, который сутками не вылазит из своего подвала с системными серверами, чем на эксперта по безопасности. Костюмы и тем более галстуки, дядя Коля не любил. Как и все, что связано с «имиджем».

На этой почве у отца и дяди часто случались споры, когда бурные, когда нет.

С точки зрения отца дядя Коля являл пример классического неудачника. Дважды разведенный, без постоянной женщины,

работы и дома, разорившийся бизнесмен, никаких работающих активов. В свое время из-за бизнеса и необходимости зарабатывать деньги он бросил научную работу и увлечение литературой. Говорят, он неплохо писал.

И все же отец Игоря ему завидовал.

Он смотрел на шурина через призму профессиональной состоятельности, некоего эфемерного комплекса критериев, которые трудно оценить деньгами или еще чем-либо материальным. Дядя Коля имел репутацию, «широкую известность в узких кругах», причем это касалось не только сферы офисных профессионалов и топов, но и Магистрали. Признание на Магистрали, среди прошедших «Крым и Рим» дядек очень ценилось отцом.

Магистраль являлась образом жизни, а не только возможностью получать за свои навыки столько сколько ты хочешь без оглядок на соседей. Сообщество Магистрали представляло собой весьма сложную экосистему, разношерстную и неоднозначную, жившую по соим законам — причудливой смесью байкеровских, битниковских и хакерских жизненных правил. Большинство из тех, кому за сорок пришли на Магистраль из «цивилизованного мира» четко осознавали кто они есть и чего хотят. Каждый из них по своему прошел через Систему, вымывшую из них комплексы, стереотипы, ложные оценки, а также счета в банках, социальное положение и веру в законы общества. Но у каждого из них осталось что-то свое, то самое настоящее, что составляло костяк личности.

Магистраль. Сорок тысяч суперванов, джипов-внедорожников и междугородных автобусов-коучей, под завязку напичканных вычислительной и коммуникационной аппаратурой. Сорок тысяч узлов, составляющих так называемый «мобильный сегмент сети». В отличие от стационарно закрепленных на земной тверди серверах, эти узлы постоянно перемещаются, наматывая по хайвеям Старого Света сотни километров в день. Хозяева этих узлов — хакеры, кукольники, гейткиперы, оперативники киберполиций и корпоративных разведок, датамайнеры и многие другие — не только работают на колесах, но и живут в них.

Для многих существование Магистрали является парадоксом, но те, кто знаком с вопросами безопасности хранения данных не понаслышке Магистраль является одним из оптимальных способов уберечь от посторонних глаз ценную информацию. Ее узлы мобильны и работают на основе плавающего графика. Первый фактор затрудняет «прямой сьем данных» путем перехвата сигналов от работающих компьютеров — умением сбрасывать хвост, маскироваться и отлеживаться на дне для того,

чтобы спокойно делать работу многие магистральщики владеют в совершенстве. «Плавающий график» работы на прием-передачу снижает вероятность обнаружения мобильного сервера.

Магистраль архаична. Данные циркулируют в прямом смысле слова по дорогам, запакованные в твердых носителях. В век бурной эволюции коммуникаций, когда сотни терабит можно перекинуть за считанные минуты из одного уголка света в другой сам этот факт вызывает недоумение у обывателя. Магистраль архаична и в другом — отношения в этом сообществе больше напоминает кланово-племенной строй, в котором главенствует закон самого сильного и быстрого. Выяснение отношений зачастую происходит с помощью монтировок и огнестрельного оружия.

Ее тоже контролируют, но даже самые законопослушные в судах компании здесь не гнушаются использовать методы улицы.

* * *

Они обнаружили джем-тестер на шестые сутки. Невзрачная серая коробка splash-носителя, отличавшуюся от стандартных носителей такого же типа несколько необычными кабелями интерфейса. Слишком тонкие и больше чем обычно. Обычный SBS-интерфейс отсутствовал. «Ха, этого следовало ожидать». Носитель джем-тестера закреплялся на внутренней поверхности одного из столов, в нескольких сантиметрах от кабеля, соединявшего монитор и компактный терминал, через который компьютер подключался к локальной сети и основным машинам.

Лежащий под столом дядя, рядом с которым стоял его ноутбук, и набор инструментов напоминал автомобильного механика, забравшегося под днище автомобиля. Работая, он не переставал говорить. Еще через полчаса он отключил носитель от локальной сети.

В просторном салоне супервана дядя Коля подключил носитель к другому ноутбуку, с потертым корпусом и заметно выцветшим экраном. По монитору опять поползли цифры. «Да, это „олимпиец“. На сегодня твоя вахта закончена. Завтра встречаемся в офисе твоего шефа». — «А ты?» — «А мне еще надо поработать. Сделать что-то вроде презентации для твоего шефа. Подготовить отчет о том, что джем-тестер успел вытянуть из вашей сети. Работы хватит».

Было еще не поздно и Игорь счел это разумным предложением.

Первым знаком того, что что-то не так оказалось отсутствие

супервана на стоянке. Весь день его не покидало легкое чувство беспокойства. На звонки дядя не отвечал. В конце дня его вызвал президент. В кабинете сидел начальник охраны и непосредственный шеф Игоря. На столе у президента лежал рапорт начальника. Президент молча передал бумагу Игорю. «Нарушение режима безопасности, допуск в помещение офиса посторонних». Устно президент кратко изложил, что суперван покинул стоянку около трех ночи и все попытки связаться с его владельцем ни к чему ни привели.

Больше ему ничего не сказали. Начальник отдела молча протянул запечатанный конверт с заработной платой.

Через двадцать минут Игорь стоял на остановке, все еще не понимая, что произошло и рассеяно набирая номер терминала дяди.

* * *

Следующие два с половиной месяца после увольнения Игорь обивал пороги отделов HR и с каждым разом все увереннее повторяя заученную сказку о своем «славном профессиональном пути». Однообразные вопросы и такие же стандартные ответы. Игра в которую он играл уже не раз и которая с каждым разом становилась бессмысленнее.

Переломным моментом стало приглашение «подхалтурить» в одну из компаний, в которую он ходил на собеседование, сразу после последнего увольнения. С ним разговаривал не какая-нибудь пешка из отдела кадров, а серьезные ребята, которым его порекомендовали какие-то хорошие знакомые из дружественной фирмы. Они не щупали его мышцы и не смотрели зубы, его позвали как профессионала, способного сделать то, за что платят деньги. В этой ситуации просили его, и он мог диктовать условия. Не все конечно, но тем не менее.

Работа которую ему дали была чистым датамайнингом. Найти, собрать, свести информацию, представив ее в том виде, в котором ее смогут воспринять и использовать. Получая гонорар он несколько удивился поведением его работодателей. Они из всех сил старались сохранять беспристрастность, но язык их жестов говорил об обратном — они действительно не ожидали от него такого результата. На следующий день ему позвонили и предложили постоянную работу, но Игорь отказался. Он думал над тем, что произошло и сделал свои выводы. В конце концов неважно где зарегистрировано твое свидетельство о трудоустройстве. Имея пять-шесть постоянных клиентов как эти о

зарплате можно не беспокоиться. Как и о том, чтобы каждый день вовремя успевать на работу, толкаясь в потной давке утреннего метро. Игорь перестал рассылать резюме и ходить на интервью. Вместо этого он написал небольшой маркетинговый план для себя и через несколько месяцев успешно его реализовал, доведя количество постоянных клиентов до дюжины.

* * *

Жизнь вошла в новую колею. Вольный наемник с ненормированным рабочим днем. Выйдя на собственную орбиту он понял все преимущества и недостатки новой жизни. Инцендент с джем-тестером и дядей Колей воспринимался теперь совсем по другому. Игорьпринципиально не пытался найти дядю, считая его поступок безответственным, но в какой-то из дней все-таки решил что этот жизненный урок оказался во многом полезен. Игорь позвонил матери, чтобы узнать где можно найти ее брата.

«Он умер».

Бесцветным голосом мать расказала о том, что к ней пришло официальное уведомление от полиции Штутгарта с просьбой подтвердить некоторые детали относительно брата. Сухой немецкий голос, дублировавшийся русским переводом сообщил, что на одной платных стоянок города случился пожар. Дотла сгорел целый этаж многоярусного паркинга, где дядя Коля держал свой суперван. Пожар случился ночью, поэтому кроме него больше жертв не было.

Привычка ночевать в своей машине. Он редко снимал номера в кемпингах и кейджах, предпочитая компактную раскладушку в своем суперване. Неудачное место парковки супервана. Около сотни автомобилей с заправленными баками сгорело менее чем за два часа. Хорошо еще, что пожар сумели вовремя локализовать.

Домой вернулась небольшая урна с прахом.

* * *

— …Тайна, — наконец ответил Олаф. — Вещи, которые мы не можем понять до конца, всегда притягивают. Нечто вроде преследования бесконечной цели, которая никогда не становиться ближе. Некоторые свойства «дельфийца» являются загадкой. Говорят, что артефакт не столько предсказывает будущее своего владельца, сколько активно предопределяет его.

— Я слышал и об это. Это подкреплено какими-то фактами?

— Есть одна тенденция, которая может рассматриваться как подтверждение этого. Насильственное завладение «дельфийцем» всегда заканчивается плачевно для того, кто это делает. Всегда. В пределах трех недель его обычно берут с поличным. Не всегда именно из-за похищенного «дельфийца», но берут всегда. Логично предположить, что если «дельфиец» каким-то образом карает своих похитителей, то он может контролировать и определять их будущее. Если это возможно со знаком минус, то значит и возможно о знаком плюс.

— Как это возможно в принципе?

— Перечисление теорий займет у нас остаток сегодняшнего вечера.

— И все же?

— Исходя из того, что в составе «дельфийца» нет модулей для передачи сигнала с информацией о статусе артефакта и самого владельца, наиболее вероятно, что ними кто-то присматривает. Тут начинается простор для фантазии. Кто-то говорит о тайной секте, кто-то о спецслужбах, кто-то о психе-одиночке. Есть даже те, кто думают, что это делает сам Грач.

— Абсурд. Он умер.

— Да. Но вполне возможно, что его кибернетический клон делает эту работу. Кто-то следит за «дельфийцами» и корректирует судьбы.

— Это невероятно! Неужели грабитель, который похитил «дельфийца» вычисляется этим кем-то и подставляется им же за три недели? Такой человек является находкой для корпоративных спецслужб! Это уникум!

— Молодой человек, таких людей больше чем вы можете себе представить. В том числе и в спецслужбах. Гейткиперский демилич, практикующий «дыхание архата» или шиваит в режиме «боевой медитации», частный датамайнер высокой квалификации вооруженный софтом акселерированной агрегации данных способен найти человека в пределах двух суток. Месторасположение определяется с точностью до ста квадратных метров. Конечно, если вы имеете дело с профессиональным симулякром. Или нейро-файтером, стирающим любые следы своего пребывания из Си-Джея в режиме реального времени, то дело зайдет в тупик. Но проблема в том, что таких очень немного. Также как и тех, кто способен искать с такой скоростью. Три-четыре тысячи человек. Практически всех их знают в лицо.

— Искусственный интеллект?

— До тех пор пока «полиморфы» были в подполье многие так и думали. Но сейчас и о них известно очень многое. Впрочем,

дело даже не в этом.

— А в чем же?

— Корректировка судьбы подразумевает доступ к управляющим контурам Си-Джея. Большинство из этих людей находятся под негласным контролем Холма. И доступ к такому дайсу Холм пресекает очень жестко. Следовательно для корректировки судьбы необходимо иметь серьезную команду поддержки. Из живых людей. Ни в одном из случаев с похитителями «дельфийцев» этого не происходило. Все происходило как бы… естественным образом. Никаких групп захвата, шумных операций в прессе и, главное, никто не пытался представить вопрос так, что задержание спланировано и осуществлено ими. Ни корпоративные службы, ни оперы киберполиции не устраивали звучных пресс-конференций. А ведь людей брали не простых. Некоторых не могли взять годами. И для любого чина из правоохранительных органов взять такого туза — значит выделиться из рядов коллег. Но ничего такого. Все выглядело как фатальное стечение обстоятельств, не более.

— Вы считаете, что тоже самое происходит и… со знаком «плюс»?

— Могу только предполагать. Стечение обстоятельств. Повторюсь — все выглядит как неблагоприятное стечение обстоятельств. В случае с похитителями.

— Но… быть может… череда успехов или неожиданные удачи владельцев «дельфийцев»? Что вы скажете по этому поводу?

— Вы считаете, что кто-либо из владельцев станет рассказывать о том, что его головокружительная карьера предопределены «дельфийцем»? Да и не стоит забывать, что они и сами по себе достаточно успешные люди. Рассуждения об их достижениях и связи их с «дельфийцем» очень легко перемещаются в область чистых интеллектуальных спекуляций.

— Но ваша жизнь? Вы владеете «дельфийцем» уже много лет.

— Вы вторгаетесь в очень личную сферу.

— Простите, но поймите и меня тоже Вы рассказали столько любопытного об этом артефакте, а сейчас не хотите договорить до конца. Значит этот «дельфиец» определяет вашу судьбу? Так или нет? У вас есть какие-либо факты личного характера, которые подтверждают то, что вы говорили до этого? Вы бы не говорили столько уверенно об этом! Я прошу прощения за свою бестактность, но все же я хотел бы знать. Да или нет — боле ничего.

Олаф внимательно посмотрел на Быкова.

— Да.

* * *

Картинки меняются с частотой превышающей ритм самого кислотного рейва. Прямые трансляции с чемпионата по Quake-TV, округлости кибер-ведущих с новостных каналов, «ретро-фильмы» и «идору» всех мастей, сменяют друг друга в радужной свистопляске трехмерных образов. Игорь перестает регулировать поток информации, отбивая чечетку на пульте управления. Хаос виртуальности мерцает на мониторе, вводя в первобытный транс.

Как ни парадоксально, но подобный прием позволяет ему достигать нужного состояния в котором он лучше фокусируется на конкретной задаче. Еще минута бесцельных блужданий по Сайберглобу и в комнате воцаряется тишина. Вспомогательные мониторы давно перешли в ждущий режим, став темными провалами, на фоне окна, за которым седеет декабрьский вечер.

Джем-тестеры. Наибольший интерес у него вызвали протогоны, первое поколение виртуальных демиургов. Он не один раз медитировал на свои мониторы, ведя поиск информации и сводя полученные фрагменты в связный паззл. Картинка складывалась редко. Фрагменты были противоречивы и разрознены. Все же кое-что он понял и это несколько изменило его взгляд на общепризнанные факты.

Трехчастную структуру Сайберглоба разработали не аналитики Стокгольмской группы. Кризис виртуальности первых лет протогоны предсказали еще до введения базовых мощностей в работу. Они же разработали и внедрили решения, после которых кроме Рефлекта, Первой и самой упорядоченной зоны, появился Шельф и Область Героев. Вторая и Третья зоны. Зоны ограниченного и неконтролируемого информационного хаоса. Протогоны же стали первыми регуляторами информационных потоков между Хаосом и Порядком виртуальности. Это решение стало жизненно необходимым для плавной эволюции Сайберглоба. Они же были и единственными «эй-ай» способными действовать как в условиях хаоса та и порядка, создавая законы, либо генерируя случайные потоки данных. Более того, они могли интегрироваться не только в информационные плоскости Сайберглоба, но и в контуры управления, позволявшие контролировать реальные объекты. В поздних сериях джем-тестеров эти функции разделили в целях безопасности.

Другой факт касался причастности гейткиперов к созданию протогонов. И хотя свидетельства по большей части не слишком надежны Игорь им доверял. Те принципы работы с информацией, которые использовались GK, в целом очень напоминали операционные протоколы протогона. Они так же умели создавать

смысл из ничего и разрушать самые стройные теории и выкладки.

«Хаос — это всего лишь одна из форм порядка. Тезис о неупорядоченности сетевой информации идет от непонимания логики построения Текста. С другой стороны любая человеческая логика в своей основе имеет иррациональность. Вера в догмы, на которых стоит Порядок и Закон — главное основание всех человеческих теорий».

Последний факт, который заинтересовал его — из одиннадцати протогонов, осуществлявших «Разработку Концепции» трих выпустили в сеть и дальнейшая их судьба осталась неизвестной. Некоторые склонялись к мнению, что эта троица до сих пор осуществляет контроль за всеми Зонами Си-Джея.

* * *

Через два месяца после того как Игорь узнал о смерти дяди, он получил посылку.

Эта посылка пришла к нему по «магистральной почте». Один из самых старых сервисов Магистрали применялся как самими кочевниками, так и теми, кто не хотел использовать легальные пути доставки деликатного содержания. Обычно «груз» доставлялся через длинную цепочку магистральщиков, не знавших ни что в пакете, ни конечного адресата. Забрав в условленном месте — чаще всего в одной из бесчисленных ячеек хранения какого-нибудь крупного транспортного узла — кочевник перебрасывал его дальше, в такую же ячейку. Конечный адресат время от времени проверял содержимое своего ящика или получал уведомление от автомата, установленного в ячейке. Всю цепочку знали только транспортеры, с которыми клиент и заключал контракт. Несмотря на кажущуюся ненадежность в подавляющем числе случаев посылка доставлялась по адресу в целости и сохранности.

У Игоря был свой ящик, который когда-то организовал ему дядя. Но он никогда им не пользовался и когда к нему на мобильный CG-терминал пришло сообщение, Игорь сначала даже не понял к чему все это.

В пакете содержалась пачка безличных кредиток, перехваченных резинкой, оптический диск, «дельфиец» и письмо, написанное от руки почерком дяди Коли.

«Дорогой племянник, надеюсь, это письмо попало к тебе вовремя. Во-первых, хочу принести свои извинения за то, что случилось с тобой. Вся ответственность за происшедшее лежит на

мне, это нельзя отрицать. Надеюсь приложенные к этому письму деньги частично компенсируют моральный ущерб. Второе — я хотел бы извиниться за ложь. Этот джем-тестер был не „олимпийцем“. Это был протогон. И это единственный аргумент, который как-то оправдывает мой поступок…»

Приводились и другие оправдания. В руках дяди Коли оказался кибернетический полубог, когда-то создавший виртуальность. Соблазн попользовать этого джина оказался сильнее родственных чувств.

Последняя деталь привела Игоря в легкий шок. Судя по дате письмо, было написано через три дня после того, как произошел пожар в штутгартском паркинге.

* * *

— …Да. Два события в моей жизни позволяют мне с уверенность судить о том, что артефакт повлиял на мою судьбу. Из того, что случилось я делаю вывод, что «дельфиец» вмешивается только в критических ситуациях. Когда владельцу угрожает смертельная опасность или отчаяние настолько велико, что делает человека опасным для окружающих и самого себя. Неразумно считать артефакт эдаким джинном, «рабом лампы», исполняющим все желания его владельца.

— Спасибо вам, господин Олаф за откровенность. А как «дельфиец» оказался у вас?

— Подарок племянницы.

— Эрики?

— Да. Она дружила с Грачем. Несколько раз работали вместе. Посылку с «дельфийцем» она получила незадолго до гибели Грача.

Быков задумчиво посмотрел на артефакт.

— Кем он был?

— Говорят разное. Но это в основном слухи, ничего подтвержденного документально. Чем он занимался до того как попал на Магистраль никто толком не знает. Эрика отзывалась о нем, как о высококлассном системотехнике, специалисте по системам надежности. И конечно же, специалисте по катастрофам. Весьма успешном, если верить магистральным байкам. Кто-то утверждал, что он привлекался к работе над созданием концепции Кибернетического Глобуса. Самые первые этапы работы, когда просчитывались основы функционирования виртуальности нового поколения. Ходили слухи о том, что в его руках оказался джем-тестер второй серии.

— Джем-тестер?

— Искусственный интеллект, предназначенный для тестирования и контроля надежности систем. Первые серии использовались для разработки основ виртуального пространства нового поколения, Си-Джея. Фактически они являлись создателями виртуальности, просчитывали устойчивость к атакам и катастрофические сочетания программных и аппаратных основ виртуальности. Та информация, которая циркулирует в сети о первой и второй серии позволяет говорить о том, что эти джем-тестеры имели доступ к управляющим контурам Си-Джея.

— То есть к управлению реальными объектами?

— Да. И если это так, то каким-то образом Грач, зная принципы и алгоритмы работы джем-тестеров сумел воплотить их в «дельфийцах». Каким-то образом они могут контролировать жизни владельцев.

— То есть каждый из них, по сути, является этим самым джем-тестером?

— Можно сказать и так. Хотя… тут все равно остается масса вопросов. Опять же не знаю насколько верны другие слухи, но говорят, что Грач возглавлял компанию, разрабатывавшую дублирующие системы надежности для кластеров Си-Джея. Гейткиперы вели переговоры о передаче технологий, но он отказал и они купили его на корню. Все эти вещи вполне идут в русле с тем, чем являются «дельфийцы». Возможно, какие-то фундаментальные знания о природе виртуальности и собственные разработки в области надежности систем позволили ему создать артефакты, снабженные искусственным интеллектом, работающим как джем-тестер.

— Это вам рассказала Эрика?

— Это не важно, кто мне это рассказал. В любом случае Грач вычистил из депозитариев всю официальную информацию. Хорошая работа. Ни одной фотографии, никаких намеков на родственников, любые реальные имена.

— На Магистрали не знали его реального имени?

— Это другой мир. Там тебе дают другое имя. Там начинается другая жизнь. И там лучше других понимают, что такое информация, в особенности личная.

— Тем не менее всем известно, что под ником «Медный Гвоздь» скрывается Эрика Мортон.

— О ней писали в желтой прессе еще до того, как она пошла в школу. Дочь известного отца и не менее известной матери. Тут уже никакие симулякры не помогут. Грач был человеком другого уровня. Хороший профессионал, которого так называемый «цивилизованный рынок» выдавил на улицу. Если отсечь

мобильные дивизионы корпораций и хакерские кланы, то остальные магистральщики — такие как Грач. Они либо отторгнуты системой либо отторгают ее. Среди них вопрос о том, кем ты был в прошлой жизни — это полнейший моветон. Можно сильно схлопотать, если задавать такие вопросы в каком-нибудь магистральном кейдже. Так что для меня нет ничего удивительного в том, что о нем толком ничего не знают. Эксперт по надежности означает и обратное — профессионал в части организации катастроф. Ценный человек, если учесть, что очень многие мальчишки-хакеры на Магистрали не умеют организовывать многоходовые операции. Они знаю слабые места в пэо, в компьютерных системах, но не умеют ломать другие вещи. Компании, производственные системы. Людей. Грач умел.

— Почему Эрика отдала его вам?

* * *

Дядя Коля ушел на Магистраль после того как сжег пятнадцать лет в искренних попытках создать что-то. В результате остался ни с чем. Система съела все с потрохами, как активы, нарабатывавшиеся годами, так и отношения с близкими и партнерами. Первые не простили ему недостатка внимания, вторые — потерю статуса и коммерческие провалы. Все что у него осталось это его навыки и опыт. И еще — желание попробовать на прочность стабильность этой системы, глобальных принципов, на которых стояла эта машина. Проверить на прочность ее надежность стала одновременно и главной навязчивой идеей и главным мотивом его поступков. Он чувствовал ее слабые места, но не имел возможности проверить это на практике. Быть может только это и держало его на плаву все эти годы, что он провел на трассе.

Так Игорь думал о нем до того, как получил его последнее письмо.

Используя свои знания о фондовых рынках и возможности джем-тестера Грач спровоцировал четыре кризиса средней тяжести, сорвав куш общей суммой пятнадцать миллионов евро. Описания последовательностей действий, по организации обвалов на фондовых рынках Юго-Восточной Азии говорили о том, что это далеко не предел для джем-тестера. Приводимые им расчеты показывали, что консолидированные усилия трех джем-тестеров и дюжины системотехников высшего класса могли бы запустить тенденции, катастрофические для региона в масштабе континента.

То, что Грач сделал вначале хорошо укладывалась в уравнение его жизни. Пятнадцать миллионов не являлись пределом. При желании он мог взять на порядок больше. Попутно помяв бока тем, кто вывел его за скобки большого бизнеса и прессовал на Магистрали. Читая первую часть письма дяди Коли, Игорь думал примерно в таком ключе. Слишком часто в своих монологах дядя Коля использовал термины «система», «иерархия», «большие деньги» и «пищевые цепи». Слишком часто он бурчал про тех, кто сидел наверху и тех, кто играл по правилам тех, кто сидел наверху. Слишком часто, чтобы подумать о том, что Грач мог поступить иначе.

Вместо того чтобы наверстывать упущенное, зарабатывать миллионы, играть в графа Монте-Кристо и ломать основы системы, он создал «дельфийцев».

Прогностические алгоритмы джем-тестера Грач использовал для написания операционных протоколов «дельфийцев». С самого начала они планировались как личные оракулы. На рынке кибер-арта уже существовали такие произведения искусства. Нечто среднее между красивой картиной и медитативным инструментом. Некоторые действительно использовали этих «оракулов» для личного совершенствования. Но по сути «дельфийцы» являлись маяками, позволявшими джем-тестеру знать о том, кто является текущим хозяином. Всю вычислительную и коррекционную работу выполнял протогон. Для отслеживания действий владельцев джем-тестер использовал алгоритм «набегающей волны». Этот алгоритм подразумевал сбор информации не о владельце «дельфийца», а о его окружении и с помощью нее воссоздавал «очертания» владельца. Это позволяло, в частности, избежать «информационных воронок», по которым знающие датамайнеры отслеживали повышенный интерес к определенным персонам или явлениям. Протогон рисовал путь, «информационное дао объекта» и прогнозировал экстремумы, которые могли быть как катастрофическими событиями, так и благоприятными стечениями обстоятельств. Определив пространственно-временные характеристики экстремума джем-тестер подключался с управляющим контурам Си-Джея. Последнее оставалось загадкой для Игоря. Точки подключения к контурам управления охранялись техниками Холма как золото Федерального резерва Штатов. Как протогону удавалось обходить защиту в течении почти десятка лет он так и не смог понять. Грач об этом ничего не написал в своей записке. Вполне вероятно, что протогон, конструировавший основы виртуальности, знал о слабых местах системы больше чем кто или что бы то ни было. Сетевая байка о первых джем-тестерах, ушедших в сеть вполне

могла оказаться правдой. Если учесть способности этих «эй-ай» к самообучению, то их возможности на просторах виртуальности были практически безграничны.

Ударный авианосец, переоборудованный под тренировочную базу для дельтапланеристов-любителей. Если бы профессионала-системотехника спросили мнение о таком использовании протогона, то аналогия скорее всего была бы похожей.

Игорь не раз размышлял над этим. Несмотря на количественную разницу в возрасте и качественную в жизненном опыте, все-таки что-то он смог понять. В этом шаге Грача перемешалось сострадание к дальним своим, глубокая ирония по отношению к высоким технологиям и простой вывод о том, что систему нельзя изменить с помощью того, что является ее неотъемлемой частью. Протогон создал одну из функциональных основ системы — виртуальность Сайберглоба. После этого его главной функцией стало обеспечение устойчивости тех структур виртуального и реального миров, в которые он включался и разрушение того, что угрожало их стабильности. Не имея такой составляющей как «мораль» и система «жизненных ценностей» он при любом раскладе попадал в распоряжение человеческого сознания, суетного и обеспокоенного проблемами дня сегодняшнего. Даже будучи включенным в высшую ступень управленческой иерархии «эй-ай» не обладающий личностью, становился игрушкой в руках своих хозяев.

Продав протогона большим ребятам, Грач отдавал им в руки «оружие победы» и четыре юго-восточных кризиса, которые он заварил, стали детской шалостью по сравнении с тем, что они могли организовать такие ребята.

Став на путь зарабатывания миллионов с помощью послушного кибернетического «раба лампы» он все равно рано или поздно оказался съеден более мощными структурами. Грач знал, что ему не хватить времени и ресурсов в борьбе с их динамикой.

Стереть джем-тестера с жесткого диска ему не позволила элементарная хозяйственность. Глупо выбрасывать полезную вещь, даже если ее нельзя использовать по назначению.

Он решил создать «дельфийцев».

Нельзя изменить правила игры для всех. Можно дать возможность нескольким десяткам избежать ненужной боли, лишних страданий и преждевременной смерти. Сто двадцать восемь возможностей избежать опасностей и найти себя. Сто двадцать восемь маячков в беспокойном море жизни. Сто двадцать восемь шансов поверить в то, что существуют другие правила игры, которые определяются не человеком, а силами,

стоящими над ним.

* * *

— Почему Эрика отдала его вам?

— А как вы думаете?

— Контроль… «Дельфиец» — это тоже система контроля… Конечно же! Судя по образу ее жизни, она не переносит контроль в любой форме. Вполне логично, что она отказалась от такого подарка.

— Не совсем так. Контроль, так или иначе, присутствует в нашей жизни. Осознаете вы это или нет. Иногда явный, чаще скрытый. Контроль суть нашей цивилизации. Системы выстраиваемые человеком это попытка противостоять тому хаосу, который представляет собой естественный миропорядок. А сопротивление системе давно стало ее частью. Эрика это поняла очень рано, поверьте мне.

— Тогда в чем же дело?

— У нее есть цели. Вполне определенные и достаточно амбициозные. А для того, кто хочет чего-то достичь, чего-то действительно серьезного жизнь становиться, скажем так, балансированием на грани. Ситуации, близкие к катастрофическим возникают гораздо чаще, чем у тех, кто довольствуется малым или не хочет слишком многого. А «дельфиец», упреждающий катастрофы, становится чем-то вроде тормоза, нейтрализующего эти естественные устремления личности.

— Но ведь он является чем-то вроде ангела-хранителя, который вторгается в жизнь только в критических ситуациях…

— Да, все верно. Только что вы имеет ввиду под «критическими ситуациями».

— Ну вы же сами говорили — угроза здоровью, жизни, душевному равновесию!

— Вы говорите об атрибутах, я спрашиваю о том, чему присущи такие атрибуты. Приведите пример ситуаций.

— Ну… сильная автомобильная авария, нападение грабителей, опасные азартные увлечения… не знаю… что-то вроде этого.

Олаф пожал плечами.

— Жизнь это поле боя, полное опасностей. Зачастую мы ходим по минами и не замечанием этого. Возьмем тот же кибер-арт. Я больше тридцати лет в этом бизнесе, видел много. Сошедших с ума коллекционеров, подсевших на психический

софт подростков, геймеров, умиравших от истощения от полутора суток пребывания в сети, людей, в одночасье проигрывавших состояния на тотализаторах Лондона и Сингапура. Я видел тех дизайнеров, кто медленно съезжал с катушек, потому что слишком долго шел по краю. Творчество тоже опасная вещь, несмотря на то, что вызывает к жизни шедевры.

— Вы говорите об отклонениях. Конечно, если я сейчас пойду и съем тридцать килограмм мороженного и запью это двумя литрами водки я тоже рискую, как минимум попасть в больницу. Вы говорите о тех, кто неумерен в потреблении кибер-арта…

— Их день начинался как обычно. Господин Быков, мы можем долго спорить об этом. Я высказываю свою точку зрения. Вы можете с ней не соглашаться, это ваше право. Вряд ли вам удастся переубедить меня.

— А как вы уживаетесь с мыслью, что «дельфиец», возможно управляет вашей жизнью?

— Я по своему гребню волны уже прокатился. Так что если «дельфиец» хранит меня от каких-либо побед, то я от этого сильно переживаться не буду. Всему свое время. А вот в вашем возрасте живут полную катушку. Для таких как Эрика «дельфиец» это скорее препятствие на пути, нежели помощь. Если говорить об Эрике, то ее жизнь — это война. Иначе она не может. «Залезь на верхушку или сдохни, пытаясь». В моем возрасте пользуются плодами того, что успели наработать за предыдущие годы. Все что я мог я уже сделал и доказал, а если что-то не успел то пусть так и будет.

— Вы считаете, что «дельфиец» — это для слабых духом?

— Я считаю, что мой клиент должен знать о предстоящей покупке как можно больше, чтобы принять правильно решение. Мы можем до утра рассуждать о том чем хорош или чем плох артефакт, который управляет вашим будущим. Универсального ответа мы все равно не найдем. «Дельфийцы» парадоксальны и в этом тоже их уникальность. Вам решать что делать. Быть может купив его вы спасете свою жизнь от какого-то несчастного случая. С другой стороны — также вероятно, что он убережет вас от шагов, которые сделают вас другой личностью, позволит вам достичь некоего нового уровня.

— Но я хотел бы знать наверняка…

— Вы не одиноки в стремлении знать наверняка. Но некоторые вещи нельзя узнать, не попробовав их на ощупь. Все равно решение принимать вам.

Олаф нажал на одну из кнопок и экран «дельфийца» потух, через мгновение исчезнув в корпусе. Несколько нажатий клавиш на пульте управления стола и артефакт бесшумно исчез в глубине

стола-сейфа.

Еще несколько минут сохранялось обоюдное молчание. Быков не поднимал глаз, вперившись в то место, где всего несколько минут назад всеми цветами радуги переливалась мандала. Наконец он оторвал глаза от стола и посмотрел на Олафа.

Тот сидел, расслаблено облокотившись на спинку кресла. Пальцы правой руки отбивали какой-то неспешный и в тоже время четкий, ритм.

— Я благодарю вас господин Мортон за уделенное мне время, — наконец произнес Быков. — Ваш гонорар вы получите в самое ближайшее время.

Олаф кивнул головой.

Быков поднялся со стула и, сильно сутулясь, быстрым шагом почти побежал к двери.

— Удачи, господин Быков! — бросил ему вслед Олаф Мортон.

* * *

В каком-то смысле он действительно умер. Тот смешно шмыгающий носом и раскачивающийся на стертых каблуках дядя Коля. Для родных и близких его жизнь завершилась пожаром в штутгартском паркинге. Жизнь неудачника без дома, семьи и пенсионного счета в банке. Первая жизнь. Для тех, кочевников, кто знал Грача на Магистрали, его смерть стала вполне логичным завершением успешной карьеры. Многие из «героев» Магистрали заканчивали так. Его операции стали примером для не одного десятка начинающих системотехников, работавших на Магистрали. Вторая жизнь.

Третью он решил прожить среди тех, кто не знал о нем как о бизнесемене-неудачнике или «директоре землетрясения», способном найти точку опоры и свернуть с наезженной рыночной колеи крупную компанию.

Человек, которому есть о чем вспомнить и о чем забыть. Он никогда не был пессимистом, способным покончить с собой из-за потери цели или разочарования в людях. Несмотря ни на что он оставался жизнелюбом, который не прочь хорошо повеселится в компании молодых девчонок, разогретых «отверткой», попользоваться теми «излишествами цивилизации», которые так любил поносить.

Когда Игорь вспоминал о нем, воображение рисовало глянцевую картинку безмятежной жизни на тропическом острове. Уединенная вилла с окнами во всю стену на западной стороне. Дядя Коля, потягивающий «дайкири» на открытой веранде в

компании красавицы в бикини цвета морской волны. Где-то в подполье роскошного лабиринта есть комната, в которой обитает джем-тестер, запакованный в системный блок штучной работы, коммуникационное и крипто-железо. После захода солнца дядя Коля идет в этот подвал и наблюдает за судьбами тех, в чьих руках сейчас находятся «дельфийцы»…

Вряд ли все настолько банально. Он всегда говорил, что хотел встретить старость в Скандинавии. Стокгольм или Копенгаген, толерантные места обитания, где соседи терпимо относятся к нетрадиционной сексуальной ориентации, религиозным сектам нового толка, фанатам Бен Ладена и где вполне возможно затеряться среди двух-трех миллионов населяющих эти мегаполисы. Убранные улицы, автобусы, приходящие по расписанию, счет в банке, чистая декларация о доходах, позволяющая не думать о налоговых инспекторах. За те деньги, что остались у него после того как он создал «дельфийцев», можно купить себе новую внешность и новую судьбу. Даже новые воспоминания.

Кто знает? В любом случае он вышел из игры подчистую.

* * *

Игорь касается манипулятора и мониторы медленно загораются. Та сторона, виртуальность пробивается через тонкое стекло рядами символов рабочей информации и цветной мозаикой интерфейса операционной системы. Он где-то там. Джем-тестер. Протогон.

Где-то там на той стороне. Страж на границе между хаосом и порядком. Творец виртуальности, способный разрушить ее до основания.

Решение избавиться от «дельфийца» Игорь принял год назад. Все то время, что артефакт находился у него, он ощущал невидимое влияние протогона на собственную жизнь. Нельзя сказать, что это влияние было навязчивым. В некоторых случаях протогон поработал хорошо и уберег его от крупных неприятностей. Но приходит время, когда надо сменить стиль жизни и избавиться от некоторых вредных привычек иначе рискуешь остаться на этом месте на всю оставшуюся жизнь.

Просто так загнать артефакт какому-нибудь торговцу кибер-артом означало привлечь к себе внимание. Высокая цена и аура одного из самых таинственных произведений искусства последнего десятилетия предполагало многоходовую схему с двумя-тремя подставными лицами и перекачиванием денег через

несколько оффшорных банков. Разработка и реализация этой схемы заняла у Игоря полгода. Тяжелые полгода. Опасные полгода. Протогон чувствовал опасность, нависшую над одним из хозяев «дельфийца» и начал принимать контрмеры. На то, чтобы затирать за собой информационные следы Игорю пришлось потратить изрядную сумму.

В конце концов ему удалось обыграть протогона. «Дельфиец» ушел, а через две недели на анонимный счет в одном из варшавских банков капнули четыреста тысяч евро. Еще через какое-то время артефакт выставили на «Сотбисе» где его купил какой-то повернутый на кибер-арте миллионер.

Гул чего-то тяжелого, проехавшего по темной улице, отрывает Игоря от размышлений. Одновременно с этим мобильный CG-терминал отбивает старую композицию Black Velvet. Он отрывается от окна и отвечает на звонок.

— Да. Нет, не поздно… Да, я слушаю вас. Завтра? Нет, завтра не получится. После одиннадцати утра послезавтра. Да, я буду у вас в офисе… Хорошо. До встречи.

* * *

Жизнь бессюжетна. Попытки осмысления пройденного пути вызывают к жизни странные и ненадежные конструкции, которые разваливаются от безобидного тычка судьбы. Позавчерашние победы кажутся мелкими и незначительными в свете сегодняшнего утра, а потери осознаются как опыт, без которого ты уже не являешься самим собой. Прошлое переменчиво. Оно расплывчато, так же как и еще не случившееся будущее. Поиски своего личного сюжета полезны как метод медитации, воспитания и тренировки логического мышления. Но они бесполезны, если пытаться основывать на этих прогнозах стиль своей повседневной жизни. Здесь срабатывают другие рецепты. Десять заповедей и четыре истины писались для каждодневного использования. Несложные правила, они требуют чтения сотен томов, заполненных размышлениями о собственных ошибках и потерях. Жизнь непредсказуема и поиски ее смысла и законов иногда могут заместить собой умение радоваться тем простым вещам, которые ни смотря ни на что, имеют место быть.